

Ахмад Аль-Хамиси

Любви один лишь миг

Стрелки на часах едва достигли половины пятого, когда Хазем уже вышагивал от старого рыбного магазина к мосту, худой, в синих штанишках и протертой на вороте рубашке. Он встречается с Ширин в пять, когда на мосту почти нет ни машин, ни людей, и можно побыть вдвоем, не тратясь на кино или кафе. Даже прогулка в парке не была бесплатной. Дойдя до нужного места, он остановился: здесь, на высоком бордюре они обычно сидят рядом, крепко сжимая руки друг друга и мечтая о том, что ни один из них даже не осмеливается облечь в слова. Набрав в щеки воздух, он приготовился ждать, но совсем скоро увидел ее: она шла, высматривая его издали. Поймав его взгляд, она заулыбалась и замахала ему рукой.

Он влюбился в нее два года назад, когда ему было 16, а ей годом меньше, с первого взгляда. Она вышла из соседнего здания и остановилась, робко оглядываясь по сторонам, будто испрашивая разрешения у тротуара ступить по нему. На ней была оранжевая блуза и светло-коричневая юбка. С того самого момента мысль о ней полностью завладела им, ему казалось, будто он знал ее вечно, жизнь без нее не представлялась возможной. Они стали встречаться вечерами после школы, гуляли по отдаленным улочкам под светом фонарей. Однажды их едва не застучал ее брат, благо Хазем первым его заметил, шепнул ей на ухо, и она пошла, словно мимо него, покачивая соскользнувшей с плеча сумочкой, пока брат не поравнялся с ней. Все обошлось.

Вот она снова перед ним, его Ширин, с собранными на затылке в пучок волосами, с улыбкой в глазах. Она наклонилась и села на бордюр, поставив ноги перед собой. На секунду ее взгляд застыл на его бледном лице с впалыми щеками и острыми скулами, какие бывают у регулярно недоедающих молодых людей. Слегка приоткрыв рот, она будто о чем-то мечтательно задумалась, но в следующую секунду уже рассказывала ему про предстоящие экзамены в школе.

- Скоро поступим в университет и будем делать, что захотим, - сказал он.

Она замолчала, вообразив

, как они закончат университет и станут работать и зарабатывать, и смогут видаться, сколько захотят. Сколько раз уже они встречались на этом мосту? Она стала загибать пальцы правой руки, подсчитывая.

- Сегодня пятый раз мы с тобой здесь сидим, - прошептала она.

Он взял ее маленькие пальчики и прикоснулся к ним губами. Жар пробежал по его телу. Ему страстно захотелось быть с ней всегда единым целым, словно камень, и вместе умереть. Наступившая тишина словно обращала его мысли в явь. Он не смог удержать порыва, крепко взял ее за плечи и припал губами к ее губам, пьянея от ее дыхания... Этому неожиданному поцелую, длившемуся считанные мгновения, суждено было разнестись в небе над Каиром, заполнив собою телевизионные программы, сводки газетных новостей, проповеди в мечетях и просто досужие городские сплетни. Все это потому, что случилось некоему человеку заснять на камеру этот поцелуй с балкона своей квартиры дома рядом с мостом. Он опубликовал видео в соцсетях, и некая женщина-юрист направила жалобу в прокуратуру на «двух молодых людей, заснятых на видео за непристойным поведением, в нарушение общественных норм и порядка». Затем подключилась полиция, и кричащие заголовки облетели весь город: «Позор!», «Разврат и беспутство на мосту», «Каир содрогнулся от скандального происшествия», «Бесстыдство должно быть наказано!».

На следующий день в дом к Хазему постучали, ошарашенный и недоумевающий, в сопровождении двух полицейских и на черной полицейской машине, которая ждала у подъезда, он был доставлен в участок. Ширин не верила в происходящее, когда за ней тоже пришли. «Больше сюда не возвращайся!» - бросил выбежавший за ней вдогонку один из братьев, когда ее уводили. С ней случился истерический приступ рыдания. В полицейском участке они отвечали вдвоем: Ширин сотрясали душившие ее слезы, а Хазем, хрупкий, стоял молча, оглушенный страшным осознанием: он больше ее никогда не увидит.

Два дня шло разбирательство, ход которого не сходил с заголовков газет. На мосту стали собираться любопытные зеваки, всем хотелось своими глазами взглянуть на «место преступления». Гашишный притон и помойка, вечные спутники скрытого от глаз подмостового пространства, встречали толпу

зловонными запахами и снующими туда-сюда наркоманами, охочими до пикантных сплетен. В одну из таких спонтанных сходов, невысокая женщина в черном хиджабе стала кричать, размахивая руками: «Нельзя молчать! Нельзя молчать о том, что сделали эти двое!» Неподалеку она заметила молодого репортера с камерой, кинулась к нему и чуть было не упала, подвернув ногу на одной из выбоин в асфальте, на ремонт которого, по заявлению властей, два месяца назад была потрачена баснословная сумма из бюджета. Она стала перед камерой и, сгоняя мух с лица, выкрикивала: «Безнравственность!.. Стыд!.. Грех!»

Через два месяца город Каир был занят уже другими новостями, а история Хазема и Ширин и их единственный поцелуй на мосту, попавший в прицел всеобщего осуждения, были забыты.